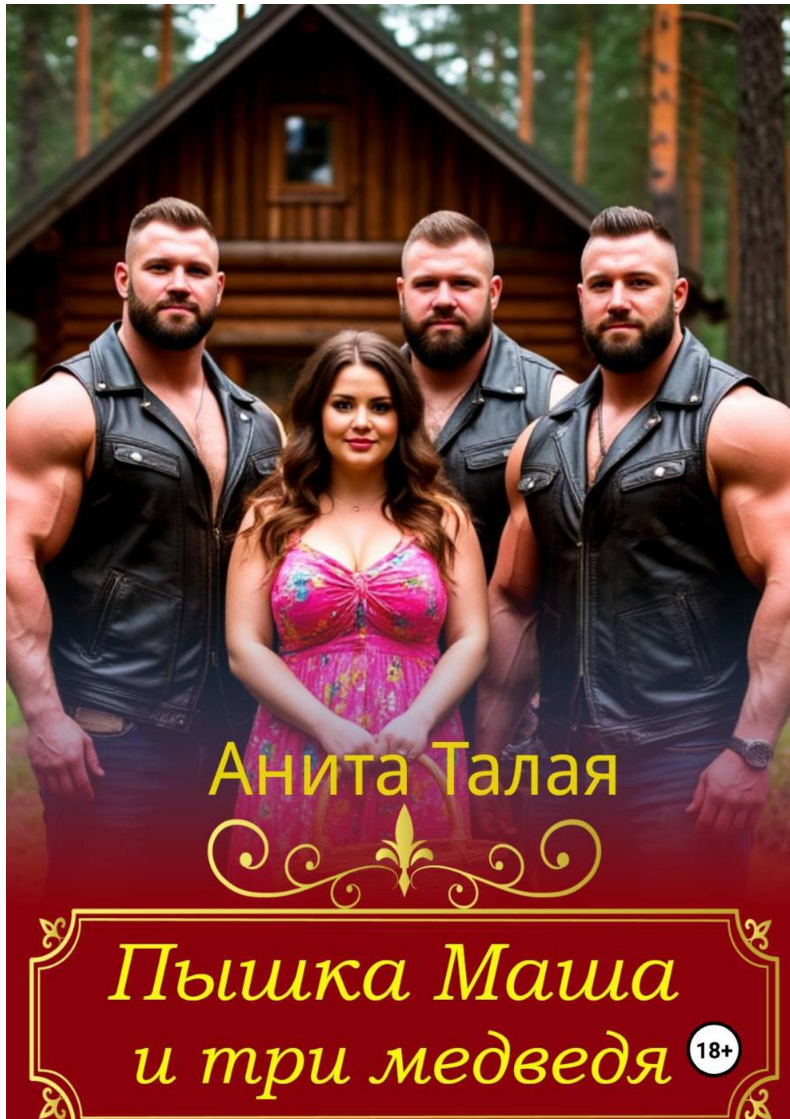

Анита Талая

*Пышка Маша
и три медведя*

18+

Анита Талая

Пышка Маша и три медведя

<https://litres.ru/74357713>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пышка Маша гостит у бабушки в деревне. Собирая в лесу грибы она набрела на лесной дом, где живут трое... А дальше начинается уже совершенно недетская сказка

Очень горячо и откровенно

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Анита Талая

Пышка Маша

и три медведя

Глава 1

Старый рейсовый ПАЗик, казалось, знал каждую выбоину на проселочной дороге лично и старательно въезжал в каждую из них, заставляя пассажиров подпрыгивать на жестких дерматиновых сиденьях. Маша сидела у окна, обмахиваясь сложенной в несколько раз газетой. Июльская жара стояла густая, тягучая, пахнувшая расплавленным асфальтом и сухой полыньей. Маша была девушкой крупной, что называется, «в теле». Пышные бедра, мягкий округлый живот и полные руки, покрытые легким загаром, в городе заставляли ее прятаться в бесформенные балахоны и избегать людных мест, где ей казалось, что все смотрят на нее с осуждением. Но здесь, в деревне, где автобус уже миновал последний поворот и выехал на пыльный тракт, окруженный стенами спелой ржи, Маша чувствовала себя иначе. Здесь ее тело не было недостатком. Здесь она была просто Машенькой, внучкой, которую нужно было кормить и любить.

Автобус чихнул, выдохнув облако черного дыма, и оста-

новился на конечной остановке у покосившегося деревянного навеса. Маша тяжело спустилась на подножку, поправляя лямку объемной дорожной сумки. Деревня Заречье встретила ее тишиной, стрекотом кузнечиков и запахом нагретой на солнце пыли вперемишку с ароматом цветущей липы.

До бабушкиного дома было минут пятнадцать неспешным шагом. Маша шла по мягкой обочине, вдыхая родные запахи. Вот покосившийся забор дяди Коли, вот колодец с ржавым воротом, а вот и знакомая резная калитка, покрашенная в веселый, хоть и облупившийся от времени, голубой цвет. Маша толкнула ее, и калитка ответила протяжным, певучим скрипом.

— Кто там? — раздался из глубины двора знакомый, слегка дрожащий, но такой родной голос.

— Бабуль! Я приехала! — крикнула Маша, бросая сумку прямо на траву у крыльца.

Дверь распахнулась, и на порог вышла баба Нюра. Она была маленькой, сухонькой, словно высушенный на печи яблочный корешок, но глаза ее сияли такой живой, неиссякаемой радостью, что у Маши тут же защемило в носу. Бабушка торопливо спустилась по ступенькам, вытирая руки о передник, и заключила Машу в свои хрупкие, но удивительно крепкие объятия. Маша прижалась к ней, чувствуя знакомый запах валерьянки, сушеной мяты и старого мыла.

— Ой, Машенька, внученька моя, приехала! — причитала баба Нюра, отстраняясь и глядя внучку по пухлой щеке.

— Худая какая... В городе своем совсем не кушаешь, всё на бегу. Пойдем, пойдем в дом, я тебе баньку истопила, а потом и обедать.

В доме было прохладно и пахло свежесмытыми полами и укропом. Окна были завешаны белоснежными кружевными занавесками, а на подоконниках, как всегда, теснились пышные кусты герани. Маша с удовольствием сбросила городские кроссовки, прошлепала босиком по дощатому полу и села за стол, покрытый клеенкой с узором из спелых вишен.

Баба Нюра не стала ждать, пока внучка отдохнет. Она тут же начала суетиться у русской печи и газовой плиты, доставая сковороды и кастрюли.

— Я же знаю, что ты приедешь, я со вчерашнего дня готовлюсь, — тараторила она, ставя перед Машей глубокую тарелку с наваристым борщом, в котором плавала густая, желтая от домашней сметаны жижа. Но главным сокровищем было огромное эмалированное блюдо, накрытое чистым льняным полотенцем. Бабушка торжественно откинула ткань, и по кухне поплыл божественный, сводящий с ума аромат жареного теста, лука и сливочного масла.

Пирожки. Маша их обожала до дрожи в коленях. В городе она сидела на диетах, считала калории, мучила себя гречкой и куриной грудкой, но здесь, перед этим золотистым, румяным изобилием, все запреты рушились. Пирожки были пухлые, бочкастые, с глянцевыми бочками.

— С капустой и яйцом, с ливером, а вот эти, с краю — с вишней и творогом, сладкие, — перечисляла баба Нюра, подливая Маше чай с чабрецом из пузатого фарфорового чайника.

Маша откусила первый пирожок с капустой. Тонкое, хрустящее снаружи и мягкое, как пух, внутри тесто, сочная начинка, в которой тушенная капуста идеально балансировала с пикантным вкусом черного перца и жареного лука. Она закрыла глаза от удовольствия.

— Вкусно, бабусь... Невероятно вкусно, — прошептала она, крошки сыпались на ее пышную грудь.

— Кушай, деточка, кушай. Вон какая ты у меня красивая, мягкая, настоящая русская красавица. А то в телевизоре одни кости показывают, смотреть страшно, — приговаривала бабушка, с любовью наблюдая, как внучка уплетает один пирожок за другим. Маша съела три штуки, запивая их горячим, душистым чаем, и чувствовала, как внутри разливается тяжелое, приятное тепло и сонливость.

Вечер прошел в неспешных разговорах. Бабушка рассказывала деревенские новости: у соседки Зинки корова отелилась, председатель колхоза опять запил, а молодежь в клубе новую музыку слушает. Маша кивала, глядя пушистого рыжего кота Ваську, который устроился у нее на коленях, мурлыча, как трактор. Спать ее уложили на огромную кровать, застеленную лоскутным одеялом, а под голову положили перину, в которой Маша утонула с головой, мгновенно прова-

лившись в глубокий, сладкий сон без сновидений.

Утром Машу разбудил петух. Он прокукарекал надрывно и громко, прямо под окном. За окном стоял густой, молочно-белый туман, и трава во дворе была серебристой от росы. Маша потянулась, чувствуя приятную тяжесть во всем теле, и встала. В доме пахло печеным хлебом и парным молоком.

Баба Нюра уже была на ногах, хлопотала у плиты.

— Доброе утро, соня, — улыбнулась она. — Ты сегодня в лес собиралась? За грибами?

— Да, бабуль. Боровики пошли, ты же сама писала, что после дождей их тьма, — Маша зевнула, натягивая старые джинсы и флисовую кофту, которую не жалко было испачкать.

— Ну гляди, не заходи далеко. Лес он хитрый, заплутать в два счета. Возьми корзинку, ножик и спички. И компас на всякий случай, дед твой еще оставил.

Через полчаса Маша уже шагала по росной траве к опушке леса. Корзинка из ивовой лозы приятно оттягивала руку, нож в ножнах болтался на поясе. Лес встретил ее прохладой и сумраком. Сосны стояли, как могучие колонны, уходящие в небо, а под ногами шуршал ковер из прошлогодней хвои и мягкого, пружинистого мха. Воздух здесь был совсем другим: густым, стерильным, пахнущим грибницей, смолой и влажной землей.

Маша любила «тихую охоту». Это был ее способ медитации. Она шла не спеша, внимательно вглядываясь в мох, раз-

двигая ветки папоротника. Первый гриб нашелся почти сразу — крепкий, с толстой белой ножкой и шоколадной, бархатистой шляпкой. Маша аккуратно срезала его ножом, очистила от иголок и положила в корзину.

Азарт захватил ее. Грибы действительно пошли стеной. То тут, то там из-под мха выглядывали тугие шляпки белых, а на прогалинах, где пробивалось солнце, высыпали целые семейки рыжиков и лисичек. Маша продвигалась все глубже в чащу, переступая через упавшие, покрытые зеленым бархатом стволы, обходя муравейники и кусты колючего ежевника. Она наклонялась, приседала, ее дыхание участилось, по лбу катились капли пота, но она не замечала усталости. Корзина становилась все тяжелее, дно уже было полностью закрыто грибами.

— Еще вот тот, за елкой, и хватит, — сказала она себе вслух, заметив огромный, похожий на перевернутый зонтик, груздь.

Она шагнула за ель, срезала гриб, выпрямилась и вдруг замерла. Лес вокруг изменился. Сосны здесь стояли реже, но зато подлесок был густым, непроходимым, состоящим из дикой малины и лещины. Маша обернулась, ища знакомый ориентир — старый, расщепленный молнией дуб, мимо которого она проходила полчаса назад. Дуба не было.

— Ладно, не страшно, — пробормотала Маша, пытаясь подавить зарождающееся в груди чувство тревоги. — Солнце еще высоко, значит, на восток мне вот так...

Но солнце, пробивающееся сквозь кроны, казалось, светило отовсюду, путая направления. Маша пошла в ту сторону, откуда, как ей казалось, пришла. Через десять минут она вышла на берег ручья, которого раньше не видела. Ручей был узкий, с темной, торфяной водой.

— Черт, — выдохнула Маша. Она полезла в карман за компасом, но пальцы нащупали лишь крошки от утреннего печенья. Компас она забыла на столе, рядом с чашкой из-под чая.

Паника подступила к горлу холодным комком. Маша ускорила шаг, пытаясь найти хоть какую-то тропинку, но лес становился все глуше, все мрачнее. Ветви цеплялись за одежду, царапали лицо. Тишина стояла неестественная, звенящая. Не было слышно ни птиц, ни ветра. Только ее собственное тяжелое, сбивчивое дыхание и хруст веток под резиновыми сапогами.

Она шла уже, наверное, часа два. Ноги гудели, спина ныла от тяжелой корзины, которую она, однако, упрямо не бросала. И тут, пробравшись сквозь густые заросли орешника, раздирая рукава куртки, Маша внезапно вышла на просторную, заросшую высокой травой поляну.

Посреди поляны стоял дом.

Это была не сказочная избушка на курьих ножках и не заброшенная дача. Это был добротный, крепкий сруб, потемневший от времени и дождей. Крыша была крыта новым шифером, а на окнах не было ни ставен, ни занавесок, только

чистые, недавно вымытые стекла. Рядом с домом стоял сарай, из-под навеса которого выглядывал нос моторной лодки, а у крыльца были аккуратно сложены в поленницу березовые дрова.

Маша замерла, не веря своим глазам. От дома веяло спокойствием и обжитостью. Из кирпичной трубы, несмотря на летний день, тянулась тонкая струйка дыма — значит, печь была растоплена недавно, или тлели угли.

— Эй! Есть кто-нибудь?! — крикнула Маша. Ее голос прозвучал слабо и тут же потонул в ватной тишине леса.

Никто не ответил. Только где-то вдалеке ухнула сова, хотя было еще совсем светло. Маша подошла ближе. Дверь была массивная, дубовая, с тяжелой кованой ручкой. Она была не заперта, а лишь прикрыта. Маша толкнула ее. Дверь со скрипом отворилась, впуская ее в прохладные, темные сени, пахнущие сырой землей и сушеными травами.

— Хозяева! Я заблудилась! Помогите! — позвала она снова, шагая в горницу.

Внутри было просторно и на удивление чисто, но эта чистота была суровой, мужской, лишенной всякого уюта. Огромная комната была разделена на зоны. У дальней стены стояла широкая, наспех сколоченная из неструганых досок кровать, застеленная грубым серым одеялом. Рядом — еще одна, поменьше, с матрасом, набитым соломой. А в углу, на широкой лавке, была постелена овечья шкура, и лежал туго набитый брезентовый валик. Три спальных места.

Маша медленно шла по комнате, ее страх постепенно сменялся любопытством и каким-то странным, почти мистическим трепетом. Дом был пуст, но присутствие его обитателей ощущалось в каждой детали.

За массивным столом из цельного спила дерева стояли три табурета. На столе лежал брусок для заточки ножей, стояли три алюминиевые миски и три деревянные ложки. В одной из мисок были недоеденные остатки каши, а рядом лежал огрызок черного хлеба. Кто-то ушел прямо из-за стола, торопясь.

На стене, на специальных кованых крюках, висело оружие. Два гладкоствольных ружья и один нарезной карабин. Рядом висели три подсумка с патронами и три охотничьих ножа в кожаных ножнах.

Маша подошла к окну. На подоконнике стояли три пары тяжелых, грубых ботинок, покрытых засохшей грязью. Размеры были разные: одни огромные, как лодки, вторые поменьше, но с широким носом, а третьи — обычные, но с стертыми до дыр каблуками.

В воздухе витал сложный, терпкий букет запахов: крепкий мужской пот, ружейное масло, сырая кожа и хвоя. В углу, на чугунной печке-буржуйке, стоял огромный закопченный чайник, от которого шел легкий пар. Вода была горячей.

Маша опустилась на один из табуретов, поставив тяжелую корзину с грибами на пол. Сердце ее колотилось где-то в горле. Кто эти люди? Охотники? Лесорубы? Браконьеры? Поче-

му они оставили дом открытым, с горячим чайником и недо-
еденной кашей, уйдя в лес, где, возможно, бродит медведь
или, что хуже, другие люди?

И тут Маша услышала звук. Это был не треск ветки и не
крик птицы. Это был тяжелый, ритмичный хруст гравия и
сухой травы за окном. Шаги. Много шагов. И низкий, густой
мужской смех, который заставил Машу инстинктивно вжать-
ся в стенку за табуретом и задержать дыхание. Дверь в сени
начала медленно, со скрипом отворяться...

Глава 2

Дверь распахнулась широко, ударившись о косяк с глухим стуком, и в проеме, заслонив собой весь свет от окна, возникли три фигуры. Маша судорожно сжимала в потных ладонях край своей флисовой кофты.

В комнату вошли трое мужчин. Они были огромными — не просто высокими, а именно широкими в плечах, монументальными, словно вытесанными из той же крепкой сосны, что стояла за окнами. На вид каждому было около тридцати лет. Все трое были одеты в плотные, потертые на коленях и локтях камуфляжные костюмы, заправленные в тяжелые, зашнурованные до самого верха берцы. На поясах висели широкие ремни с чехлами для ножей, флягами и какими-то непонятными Маше инструментами. От них пахло лесом — тем самым, густым и диким запахом прелой хвои, сырой земли, озона и мужского пота, смешанного с дымом костра.

Но больше всего Машу поразило их сходство. Они были явно братьями. Одни и те же волевые, скуластые лица, покрытые легкой, аккуратной щетиной, одни и те же прямые носы и густые, слегка выгоревшие на солнце волосы, короткие стрижки. И глаза — у всех троих они были одинакового, пронзительного серо-стального цвета, цвета осеннего неба перед грозой.

Первым вошел самый крупный, с широкой, словно медвежьей грудью и шрамом, рассекающим левую бровь. За ним — чуть более стройный, но жилистый и подтянутый, с усмешкой в уголках губ. Замыкал шествие третий, самый спокойный на вид, с густой окладистой бородой и добрыми, чуть прищуренными глазами.

Они замерли на пороге, одновременно заметив Машу. В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь потрескиванием дров в буржуйке. Маша сглотнула, чувствуя, как сердце колотится о ребра. Она вдруг остро осознала, какая она нелепая в своей городской одежде, вспотевшая, с грязными руками и растрепанными волосами, сидящая в их уединенном мужском логове.

— Ну ничего себе, — протянул первый, со шрамом, его низкий, рокочущий голос, похожий на урчание далекого грома, разнесся по горнице. — Лес сегодня на добычу щедр. Только мы не охотились. Ты откуда тут взялась, красавица? Заблудилась, что ли?

В его тоне не было ни агрессии, ни насмешки, только искреннее, глубокое удивление. Маша выдохнула, чувствуя, как из груди уходит парализующий страх.

— Да... — голос ее предательски дрогнул, и она кашлянула, пытаясь говорить тверже. — Я заблудилась. Я за грибами пошла, от Заречья. Искала белые, зашла слишком далеко, компас забыла... Кружила тут часа три, наверное. Увидела дом, дым из трубы... Простите, что зашла без спроса. Я

просто очень устала и испугалась.

Второй брат, тот, что был с усмешкой, вдруг тихо рассмеялся, скидывая с плеча тяжелый рюкзак, который с глухим стуком упал на пол.

— От Заречья, говоришь? А чья ты будешь? В Заречье сейчас каждая собака друг друга знает. — Я Маша. Внучка бабы Нюры. Я из города, на каникулы приехала, — ответила Маша, робко улыбаясь.

При имени бабы Нюры лица мужчин мгновенно преобразились. Суровая настороженность исчезла, уступив место теплой, почти родственной улыбке.

— Так ты Нюрки-чудесницы внучка?! Готовит она — за-качаешься! — воскликнул третий, бородатый, подходя ближе и протягивая Маше огромную, мозолистую ладонь. — Ну, здравствуй, Маша! А мы-то гадаем, кто это в нашу заимку забрел. Я Илья, это вот хмурый — Глеб, старший наш, а этот зубоскал — Роман. Мы лесничие. Хозяйство тут ведем, обходы делаем, за лесом смотрим, чтобы браконьеры да пожары не баловали.

Глеб, старший, кивнул, его суровые глаза потеплели. — Значит, Нюркины пирожки в детстве ела. Помню, она нам, когда мы еще пацанами по лесу бегали, всегда в сумку с собой совала. Ладно, Маша, не дрожи. Ты в безопасности. Садись, отдыхай. Ромка, давай-ка чайник на огонь, да и котелок подогрей, девчонка, поди, с голодухи пухнет.

Мужчины засуетились по дому, и Маша с изумлением на-

блюдала, как ловко и слаженно они двигаются в небольшом пространстве, ни разу не задев друг друга, словно это был какой-то особый, выработанный годами танец. Они скинули куртки, оставшись в плотных футболках, обтягивающих мощные торсы и рельефные руки, покрытые сеткой мелких царапин от веток. Роман плеснул в медный таз воды из ведра, и братья по очереди умылись, фыркая и отплевываясь, растирая лица грубым полотенцем. От них повеяло свежим мылом и чистотой.

Глеб подошел к Маше и легко, одной рукой поднял ее тяжелую корзину с грибами, которую она так и не выпустила из поля зрения.

— Ого! — присвистнул он, заглядывая внутрь. — Да ты, Маша, профессионал. Тут белые один к одному, как на подбор. Крепкие, червивых почти нет. Молодец. В городе-то, небось, за компьютером сидишь, а тут вон какая хозяйка.

Маша вспыхнула от удовольствия. В городе ее часто упрекали в лени и неповоротливости, а здесь, в этом суровом мужском мире, ее умение тихо ходить по лесу и находить грибы оказалось ценным достоинством.

Роман уже ставил на стол новые, чистые миски, нарезал толстыми ломтями темный, пахнущий тмином хлеб, доставал из погреба, люк в который был в полу, банку с моченой брусникой и солеными груздями.

— У нас тут по-простому, Маша, — сказал Илья, подсаживаясь напротив нее. — Извиняй, если что не так. Мы лю-

ди лесные, деликатесов не держим. Но поешь от души.

На стол водрузили черный чугунный котелок. Глеб открыл крышку, и по комнате поплыл густой, невероятно аппетитный аромат тушеного мяса, картофеля, лаврового листа и дикого розмарина.

— Оленина с картошкой, — пояснил Роман, накладывая Маше в миску щедрую, дымящуюся порцию. — Сами сегодня утром готовили, до твоего прихода. Мясо мягкое, в собственном соку томилось. Ешь, набирайся сил.

Маша взяла деревянную ложку. Первый же глоток густого, наваристого бульона заставил ее закрыть глаза. Мясо буквально таяло во рту, картофель пропитался мясным соком и травами, а брусника добавляла пикантную, вяжущую кислинку. Она ела жадно, не стесняясь, чувствуя, как пустой, ноющий желудок наконец-то получает то, что ему было нужно. Братья тоже ели, но не торопясь, с удовольствием наблюдая за ней.

— Кушай, Машенька, кушай, — одобрительно гудел Глеб, отламывая кусок хлеба и макая его в соус. — Женщина в теле — это правильно. Это здоровье, это жизнь. А то понасмотрятся в своих городах на модели, ходят как былинки, ветер дунул — сломались. А ты — настоящая, русская, красивая. Щеки румяные, глаза ясные. Бабушка твоя, небось, тоже радуется, что ты не тощая.

Маша, привыкшая к косым взглядам и шепоткам за спиной в городских кафе, почувствовала, как к горлу подступает

ком благодарности. Эти огромные, суровые мужчины смотрели на нее не как на «толстушку», а как на женщину. В их взглядах было простое, здоровое восхищение и забота. Она улыбнулась, смахивая крошку с губ, и кивнула, продолжая уплетать ароматное рагу.

Когда с едой было покончено, Илья разлил по кружкам горячий чай. Он был темным, почти черным, и пах мятой, зверобоем и какими-то неизвестными Маше травами.

— Это наш лесной сбор, — объяснил Илья, пододвигая к ней сахарницу с рафинадом. — Зверобой для крови, мята для нервов, а еще лист смородины и чабрец. Пей, он силы восстанавливает и сон дает крепкий.

Маша пила чай маленькими глотками, обжигая губы. Сладкий, терпкий напиток разливался по венам горячим теплом. В доме становилось все уютнее. За окном сгущались сумерки, лес за стеной начинал шуметь, просыпаясь для ночной жизни. Где-то далеко, на болотах, ухала сова, а ближе, у самого крыльца, стрекотали кузнечики. Буржуйка потрескивала, отдавая мягкое, сухое тепло.

Братья негромко разговаривали между собой, обсуждая какие-то свои лесные дела: где прошла стая кабанов, где нужно починить просеку, где заметили следы чужого костра. Их голоса, низкие и спокойные, сливались в убаюкивающий гул. Маша слушала их, но слова начинали расплываться.

Усталость, которую она так долго гнала от себя адреналином страха, теперь, когда она была в безопасности, сыта и со-

грета, обрушилась на нее тяжелой, свинцовой волной. Ноги гудели, спина ныла, веки стали неподъемными. Маша моргнула, пытаясь сосредоточиться на лице Романа, который что-то рассказывал, но его черты поплыли. Голова стала тяжелой, она медленно опустилась на сложенные прямо на столе руки.

— Умаялась девчонка, — тихо произнес Глеб. Его голос доносился словно из-под воды. — Натерпелась страху-то. Лес не прощает, когда его не уважают, а она еще молодая, неопытная.

— Ничего, выпится. Завтра до Заречья проводим, — ответил Илья.

Маша хотела сказать, что ей нужно встать, что она сама дойдет до лавки, но тело не слушалось. Сон накрывал ее с головой, теплый и вязкий, как мед. Она чувствовала, как ее щека лежит на прохладной клеенке стола, как пахнет хлебом и травами.

Вдруг свет в комнате померк. Маша смутно осознавала, что кто-то встал рядом с ней. Скрипнул табурет. Затем сильные, бережные руки подхватили ее. Одна рука скользнула ей под колени, другая — под спину, поддерживая тяжелые, пышные плечи. Маша невольно всхлипнула во сне, но руки не дрогнули. Они были твердыми, как стволы деревьев, и невероятно надежными.

Ее подняли в воздух. Маша чувствовала, как ее прижали к широкой, горячей груди. От мужчины пахло дымом, хвоей и тем самым, терпким мужским потом, который теперь казал-

ся ей самым успокаивающим запахом на свете. Она уткнулась носом в мягкую ткань его футболки, чувствуя, как мощно и ровно бьется его сердце. Шаги были мягкими, почти бесшумными, несмотря на вес, который он нес.

Ее аккуратно опустили. Под спиной оказалась не жесткая лавка, а пружинящий матрас, застеленный чем-то мягким и прохладным — наверное, чистой простыней. Кто-то бережно снял с нее грязные резиновые сапоги, поставив их на пол. Затем на нее легло тяжелое, стеганое одеяло, пахнущее солнцем и сухими травами. Оно укрыло ее до самого подбородка, создавая кокон абсолютной безопасности.

Чья-то большая, шершавая от мозолей ладонь на секунду коснулась ее волос, легонько погладив по макушке, словно успокаивая испуганного зверька.

— Спи, Машенька. Лес тебя отпустил, — прошептал в темноте низкий голос Глеба.

Маша слабо улыбнулась, не открывая глаз. В ее сознании мелькнула мысль о том, что бабушка будет волноваться, что нужно будет возвращаться в город, к диетам и косым взглядам. Но сейчас это не имело никакого значения. Сейчас она была в сердце леса, в доме трех братьев-великанов, которые накормили ее, согрели и защитили. И, укутанная в тяжелое одеяло, под мерный шум сосен за окном, Маша окончательно провалилась в глубокий, сладкий, целительный сон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.